

Полмесяца пролетели как один миг. Линь Суе не стал устраивать пышный банкет в честь своего дня рождения, ограничившись лишь половиной выходного дня. Вернувшись в кабинет после последнего совещания, он обнаружил, что его рабочий стол буквально атакован подарками: всевозможные свертки, коробочки и пакеты занимали почти всё свободное пространство.

Каждый год сотрудники дарили ему что-нибудь на день рождения. Зная, что директор не принимает дорогих подношений, они старались перещеголять друг друга в оригинальности. Порой Линь Суе даже диву давался, где им удается отыскивать такие диковинные безделушки.

Распаковав несколько коробок, он не сдержал улыбки. В конце концов Линь Суе сложил все подарки в один большой ящик, решив, что разберет их позже, когда захочется развеяться.

В дверь постучали. Вошла Чэнь Ли с папкой документов, а сверху на стопку бумаг она положила небольшой изящный футляр.

— С днем рождения, Молодой директор Линь.

Линь Суе тепло улыбнулся ей:

— Спасибо, сестра Ли.

Чэнь Ли на мгновение замерла. Она, по сути, видела, как он рос. Казалось, совсем недавно он был подростком, который в одиночестве делал уроки в комнате отдыха — в памяти до сих пор стоял образ его тонкой мальчишеской спины в огромном светлом зале. А теперь он стал настоящей опорой корпорации, человеком, который держит на своих плечах всё небо семьи Линь.

— От всей души желаю вам счастья и благополучия, — искренне добавила она.

— И вам того же.

Сегодня с работы его забирали Шэнь Хуэйцы. Стоило Линь Суе сесть в машину, как «Киноимператор», пристегивая ему ремень безопасности, протянул пакет с горячими жареными каштанами.

— Проголодался? Перекуси пока.

Линь Суе принялся очищать теплый каштан.

— С чего это вдруг ты сегодня за рулем?

Шэнь Хуэйцы довольно прищурился:

— Выиграл это право.

— Что?

— Мы играли в карты, — он небрежно крутанул руль одной рукой. — И я всех обставил.

Услышав это, Линь Сун даже не удивился. Мо Гуаньци по натуре был слишком прямолинеен и прост, в картах он всегда проигрывал в пух и прах. Цзян Вэйчжи был умен, но удача вечно обходила его стороной — так было с самого детства.

— И тебе не стыдно обижать слабых?

Шэнь Хуэйцы тут же скорчил скорбную мину:

— Сяо Е, почему ты так предвзят? Я знаю, мне никогда не сравниться с твоими друзьями. Ты не хочешь, чтобы я тебя забирал... Я ведь...

Линь Сун не выдержал. Он искренне не понимал, как один человек может быть настолько многогранным. Еще недавно этот мужчина казался холодным и опасным, а спустя всего десять дней превратился в ласкового щенка, виляющего хвостом. У него что, Нуань-Нуань вселилась?

Причем этот «театр одного актера» повторялся ежедневно с завидным упорством. Неужели после целого дня съемок у него остается столько энергии?

Линь Сун сунул ему в рот очищенный каштан, прерывая поток жалоб:

— Молчи и ешь.

Получив угощение из рук любимого, Шэнь Хуэйцы послушно затих.

Линь Сун не ожидал, что местом празднования окажется круизный лайнер. Выйдя из машины и увидев пришвартованное судно, он ощутил странное, почти мистическое чувство.

Сяо Цю, глядя на огромную яхту, тоже погрузился в раздумья. «Надо же, какое совпадение».

Заметив заминку, Шэнь Хуэйцы взял его за руку:

— Что такое, Сяо Е?

Тот качнул головой:

— Ничего. Идем.

На борту их встретила мать Линь. Она тут же порывисто обняла сына. Женщине было уже за пятьдесят, но она прекрасно выглядела: легкий макияж подчеркивал благородные черты, а иссиня-черные волосы были уложены в элегантную прическу. Время словно было не властно над ее грацией.

— Дорогой, с днем рождения!

Она нежно прижалась щекой к лицу сына. Шэнь Хуэйцы в очередной раз отметил, как сильно они похожи. Неудивительно, что он всегда считал «молодого директора Линя» необычайно... красивым.

Отец Линь сидел неподалеку, делая вид, что увлечен газетой, и периодически многозначительно покашливал. Мать Линь, зная своего супруга как облупленного, лишь закатила глаза:

— Если хочешь обнять сына — подойди и обними. Что ты там раскудахтался, на что намекаешь?

Линь Суе едва сдержал смех. Его отец всегда старался придерживаться образа «строгого родителя», поэтому сейчас ему явно было неловко. Мужчина демонстративно поднял газету повыше, скрывая лицо. Линь Суе, не желая смущать старика, сам подошел к нему и раскрыл объятия.

— Да я... я вовсе и не хотел обниматься, — пробормотал немолодой мужчина, но при этом вскочил весьма резко.

Он обнял сына крепче всех.

— С днем рождения, А-Е.

Линь Суе едва не задохнулся от этого бурного проявления отеческой любви. К счастью, на помощь пришел старший брат.

— У папы хватка просто стальная, — шепнул Линь Суе ему на ухо, когда они обнялись.

— Он просто очень по тебе скучал, — так же тихо ответил Линь Суцзюнь.

Именинника передавали из рук в руки, обнимая по очереди. К концу этого марафона Линь Суе казалось, что если он сейчас снимет пиджак, то на спине останутся отпечатки всех присутствующих.

На праздничный ужин не стали приглашать шеф-поваров из ресторанов — Линь Суе этого не любил. Больше всего ему нравилась еда, приготовленная Цзян Вэйчжи. Поэтому сегодня знаменитый дизайнер занял место у плиты, а остальные гости вызвались ему помогать. Узнав об этом, Линь Суе приуныл: он точно знал, что половина собравшихся — ходячие катастрофы на кухне.

У его горячо любимой матушки и вовсе был послушной список из сотен сожженных блюд.

Слыша доносящиеся с камбуза грохот, крики и звон посуды, Линь Суе с сомнением поглядывал в ту сторону, гадая: удастся ли им сегодня вообще поесть?

Пока остальные были заняты, Шэнь Хуэйцы подошел и обнял его со спины:

— Сяо Е, с днем рождения.

С этими словами он вложил ему в ладонь кулон. Линь Суе присмотрелся: это была подвеска в виде синей розы, вырезанная из редкого кристалла необычной формы. Много лет назад этот лот произвел фурор на аукционе и ушел за баснословную семизначную сумму.

— Это то самое украшение, за которое ты боролся с Шэнь Жунем?

— Оно самое.

— И ты даришь его мне? Как подарок на день рождения?

Шэнь Хуэйцы кивнул, а затем покачал головой:

— Подарок будет позже. А это... я просто хочу отдать его тебе. Взамен на одну вещь.

Линь Суе усмехнулся:

— Вот как? Сначала даришь, а потом требуешь выкуп? И что же ты хочешь?

Шэнь Хуэйцы прижал его к себе крепче:

— Поцелуй меня.

— Хм? — Линь Суе вскинул бровь. — Такое сокровище — и всего лишь за один поцелуй?

— Разве нельзя? Ты не целовал меня целых полмесяца.

Великий актер так искусно изображал вселенскую обиду, будто это воздержание было тягчайшим преступлением. Линь Суе наклонился и легонько коснулся губами его лба.

Шэнь Хуэйцы возмутился:

— Так не пойдет! Сяо Е, я хотел...

— Я сказал — ХВАТИТ! — Мо Гуаньци, прошедший через все круги кухонного ада, наконец-то сотворил нечто съедобное, но на выходе столкнулся с этой идиллической сценой.

Его сердце едва не остановилось от досады. Он хотел было высказаться, но вовремя вспомнил, что Шэнь Хуэйцы уже официально представлен родителям и является почти законным зятем. Мо Гуаньци в ярости сделал пару кругов по каюте, сорвал с себя фартук, швырнул его на стул и ушел на палубу — изображать томного меланхолика под порывами морского бриза.

«Как так вышло, что мой заклятый враг стал парнем моего лучшего друга?» — Мо-лаоши был безутешен.

Шэнь Хуэйцы хотел было продолжить свои притязания, но Линь Суе мягко закрыл ему рот ладонью.

— Веди себя хорошо. Вечером... вечером мы договорим.

Фраза «веди себя хорошо» подействовала на Шэнь Хуэйцы магически. Его взгляд затуманился, и он лишь послушно пробормотал:

— Хорошо, буду паинькой.

Когда грандиозная кухонная эпопея закончилась, окончательно стемнело, и на небосклоне выпали яркие звезды. Гости подняли бокалы; над мерно идущим по волнам лайнером раздался чистый хрустальный звон.

— С днем рождения!

Линь Суе сегодня выпил немало — на радостях никто не стал его ограничивать. Сейчас он стоял на палубе, опершись на перила. В уголках его глаз цвел нежный румянец, словно кто-то наложил слой тонких румян. Морской ветер растрепал его волосы, но это ничуть не портило его облик, напротив, придавая ему какую-то особенную, мятежную красоту.

Родные и друзья расположились рядом, любуясь ночным морем и неспешно беседуя.

Внезапно ночное небо расцветило грандиозное, ослепительное зарево салюта. Линь Суе замер, в его светлых зрачках отразились мириады огненных искр.

— Может, это и избитый прием, но мне очень хотелось устроить для тебя фейерверк. Было бы преступлением быть в море и не увидеть такую красоту, — тихо произнес Шэнь Хуэйцы.

— Вовсе не избитый. Это очень романтично, — с улыбкой отозвалась мать Линь.

Линь Суе сдержал подступившую влагу в глазах, глядя на огни, сияющие только для него.

Сяо Цзю устроился на его плече. Он невольно вспомнил оригинальный сюжет, где «главный герой-гун» запускал такой же фейерверк для «шоу», не получая ничего взамен.

«Как же здорово. Мой носитель действительно свободен. И действительно счастлив».

Эту ночь они решили провести на корабле. Линь Суе заперся в каюте, разбирая подарки. Упаковки были настолько изысканными, что ему пришлось изрядно повозиться. Дворецкий передал, что многие знакомые из высшего света прислали подарки в поместье. Линь Суе слегка удивился, увидев в списке имен Сюй Сяннаня и Ань Ци, и даже... Хо Хэна.

Отложив телефон, он переоделся и отправился к Шэнь Хуэйцы. Тот как раз собирался выйти к нему.

— Сяо Е, — в глазах Шэнь Хуэйцы вспыхнуло восхищение. Он обхватил его за талию и преданно заглянул в глаза. — Ты пришел выполнить обещание?

Линь Суе понял, что тот имеет в виду дневной поцелуй, но ответил вопросом на вопрос:

— А ты не хочешь быть чуть смелее в своих желаниях?

Шэнь Хуэйцы опешил:

— О чем ты, Сяо Е?

— Очевидно.

В глазах Линь Суе заплясали искорки смеха. Он протянул руку и произнес мягко и чисто:

— Те часы Patek Philippe... ты можешь вернуть их мне.

Шэнь Хуэйцы не сразу сообразил, к чему он клонит, но когда до него дошло, сердце пустилось вскачь, а кровь прилила к лицу.

— Ты имеешь в виду... то самое?

Когда Линь Суе вручал ему подарок в благодарность, он отдал те дорожные часы со словами, что вещь, которую Шэнь Хуэйцы хочет на самом деле, он пока дать не может. И добавил: когда этот день настанет — верни часы назад.

И вот Линь Суе говорит — верни...

Острая, невыносимая радость захлестнула его. У него задрожали руки, он едва подбирал слова:

— Ты серьезно? — Он бросился в каюту, лихорадочно перерыл вещи и вытащил заветный футляр, который тут же всучил Линь Суе. — Возвращаю! Сяо Е, ты сказал это, теперь назад пути нет!

Линь Суе посмотрел в его покрасневшие от возбуждения глаза и улыбнулся:

— Я не возьму свои слова назад. Ты постоянно твердил, какая семья Шэнь плохая... Раз тебе там так неуютно, я дам тебе новый дом.

Он помолчал и добавил:

— Раньше ты загадал желание, чтобы я тебя полюбил. Сегодня именинник я, и я... исполняю твое желание.

Камень, долго висевший на сердце Шэнь Хуэйцы, наконец упал. Он крепко прижал Линь Суе к себе, в его голосе слышались слезы:

— Тогда и я выполню свое обещание. Клянусь, я буду заботиться о тебе всю жизнь. Я дам тебе столько любви, что ты не сможешь растратить ее до конца дней.

Он давно смирился с мыслью, что может ждать вечность. Он убеждал себя, что готов быть просто рядом, даже без официального статуса. И вот — на него свалилось это безграничное

счастье.

Линь Суе обнял его в ответ и тихо прошептал:

— Я не стану тратить твою любовь впустую.

И, чуть помедлив, добавил:

— Теперь ты можешь целовать меня когда захочешь, Учитель Шэнь. И платить за это больше не нужно.

Шэнь Хуэйцы тут же коснулся его губ поцелуем.

— Сяо Е, можешь звать меня как-нибудь иначе? «Учитель Шэнь» меня зовут все кому не походя.

Губы Линь Суе после поцелуя стали ярче, но сам он оставался невозмутим. С самым серьезным видом он тихо произнес:

— Братец Сяо Цы.

— Ты просто... — Шэнь Хуэйцы перехватило дыхание. Он и в страшном сне не мог представить, что Линь Суе так его назовет. От этого обращения у него внутри всё перевернулось. Он понял, что совершенно незащищен перед этим обаянием.

Его кадык дернулся, он проговорил охрипшим голосом:

— Не называй меня так. Это звучит как прямое приглашение к чему-то более предосудительному.

Линь Суе поднял на него кристально чистый взгляд и совершенно спокойно произнес:

— Вот как? Братец Сяо Цы, на мне сейчас те зажимы для рубашки, что ты подарил.

Шэнь Хуэйцы: «...»

В тот же миг горячая волна предвкушения захлестнула его разум. Всё, он окончательно перестал понимать, где земля, а где небо. В голове осталась лишь ослепительная пустота.

Он властно обхватил Линь Суе за затылок и накрыл его губы своими. На этот раз поцелуй был

яростным и жадным. Линь Суе невольно подался назад и в итоге оказался поваленным на кровать.

Шэнь Хуэйцы навис над ним, его глаза напоминали два глубоких темных колодца. Он осыпал поцелуями всё его лицо: лоб, нос, щеки — желая пометить каждый сантиметр этой кожи, от которой не мог отвести взгляд. Его рука скользнула вниз, по бедру, и нащупала под тканью брюк знакомый рельеф.

— Можно мне посмотреть? Малыш? — выдохнул он в самые губы.

— Не спрашивай.

В уголках глаз Линь Суе разлилась томная влага, лишая воли любого, кто на него посмотрит.

...

— Как красиво. Боже, Сяо Е, ты просто невероятный.

Шэнь Хуэйцы сжал его бедро, которое охватывал кожаный ремешок гартера. Металлические застёжки, украшенные сапфирами, тускло поблескивали в полумраке каюты.

Линь Суе внезапно смутился и попытался свести ноги:

— Всё, хватит смотреть.

Шэнь Хуэйцы не убрал рук, напротив, он склонился и запечатлел поцелуй прямо на нежной коже бедра. Линь Суе от неожиданности едва не подпрыгнул.

— Ты!.. Да как ты...

Шэнь Хуэйцы крепко прижал его к себе, не давая пошевелиться:

— Сяо Е, сокровище мое, я так сильно люблю тебя.

— ...М-м. И я тебя.

Посреди ночи Линь Суе проснулся от тихого зова. Он всё еще лежал в объятиях Шэнь Хуэйцы, а его тело было покрыто следами недавней страсти.

«Сяо Цзю?»

На электронном табло золотистого шарика высветилась счастливая улыбка.

[Носитель.]

[Ты сейчас счастлив?]

Линь Суе едва заметно кивнул.

996 произнес: [Мне пора уходить.]

Линь Суе замер, в груди предательски защемило: «Так скоро? Может, останешься еще ненадолго? Я...»

[Меня ждет следующий носитель, которого нужно спасти.]

Линь Суе долго молчал, прежде чем смог кивнуть в знак согласия. Золотистые крылья бабочки затрепетали. Сяо Цзю подлетел ближе и ласково коснулся его лба.

[А-Е.]

«Я здесь».

[А-Е, желаю тебе семейного согласия.]

[А-Е, пусть ваша дружба с близкими будет вечной.]

[А-Е, будьте счастливы с Учителем Шэнем долгие-долгие годы.]

Оболочка электронного шарика начала таять, превращаясь в россыпь золотых искр в ночной тишине. Голос Сяо Цзю звучал всё тише, пока не стал совсем неразличимым:

[Будь счастлив, А-Е. Будь самым счастливым...]

Последняя искорка растворилась в воздухе. Линь Суе смотрел в пустоту комнаты, ощущая щемящую тоску потери.

Шэнь Хуэйцы, пребывая в полусне, почувствовал его беспокойство. Он невнятно пробормотал

что-то, погладив его по спине:

— Сяо Е... не спится?

Линь Суе покачал головой и снова уткнулся ему в плечо:

— Нет. Всё хорошо. Спи.

— Спокойной ночи, Сяо Е.

— Спокойной ночи.

<http://bllate.org/book/16112/1587725>